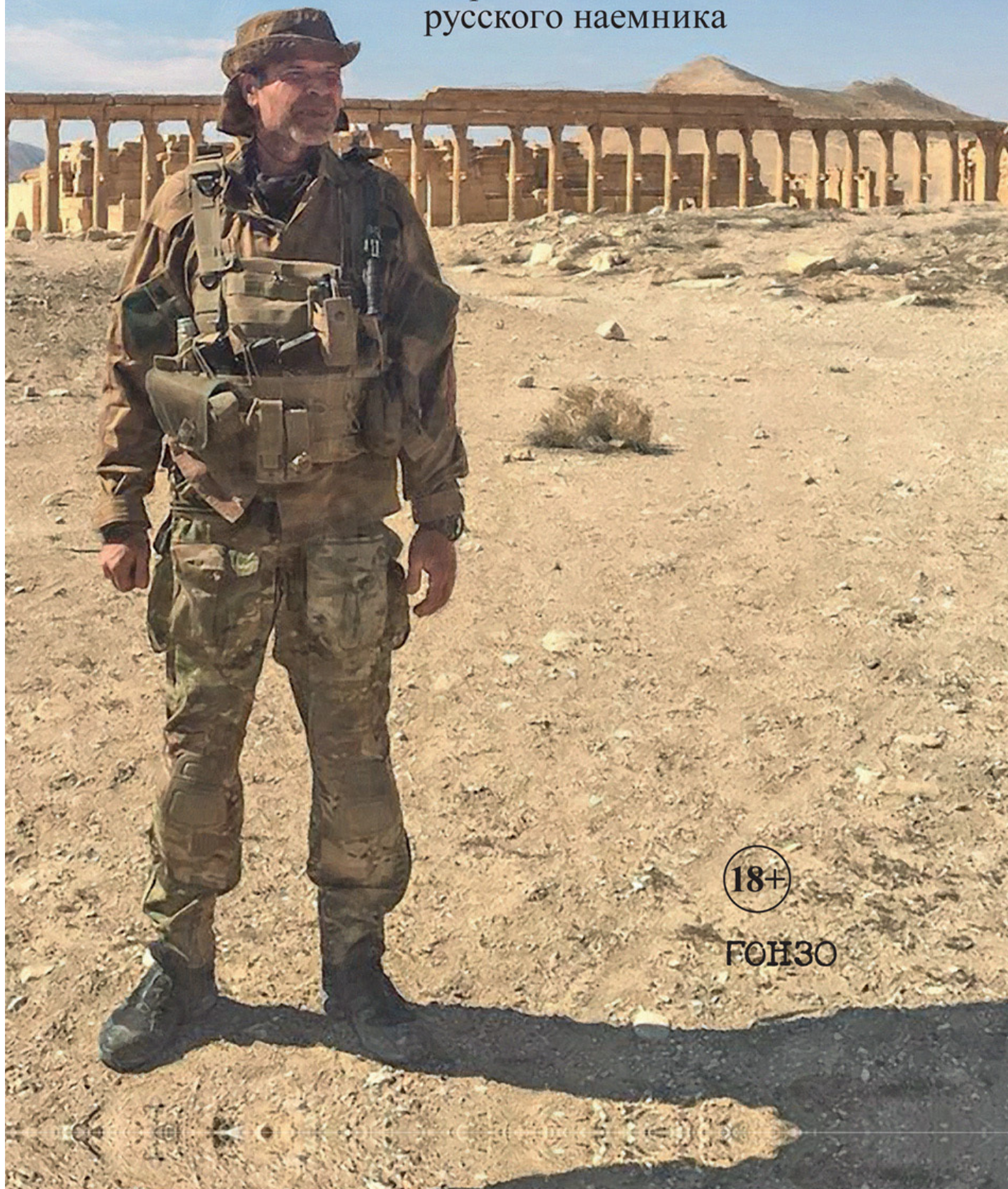

Марат Габидуллин
[дед Мартин]

В одну реку дважды

Сирийская война глазами
русского наемника

18+

FOH3O

Марат Габидуллин

**В одну реку дважды. Сирийская
война глазами русского наемника**

«Рама Паблишинг»

2021

Габидуллин М. Ф.

В одну реку дважды. Сирийская война глазами русского наемника
/ М. Ф. Габидуллин — «Рама Пабблишинг», 2021

ISBN 978-5-904577-90-2

Книга Марата Габидуллина «В одну реку дважды» рассказывает об участии русских легионеров в гражданской войне в Сирии. Для читателей старше 18 лет. В книге присутствует нецензурная брань!

ISBN 978-5-904577-90-2

© Габидуллин М. Ф., 2021

© Рама Пабблишинг, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	19
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	28
Глава 9	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Марат Габидуллин
В одну реку дважды
Сирийская война глазами русского наемника

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Габидуллин М., 2021

© Издательство «Гонзо», 2021

* * *

*Всем братьям по русскому легиону, живым и мертвым,
посвящается...*

Глава 1

На пути в легион

Можно ли войти в одну реку дважды? Античный философ ответил на этот вопрос отрицательно, не ведая о том, что тем самым лишает многих людей, запутавшихся в лабиринте жизненных обстоятельств, надежды снова вернуться на ту единственно правильную дорогу, с которой они свернули по своему неразумению.

Мартин сидел на траве, давая отдохнуть уставшему от дневной нагрузки телу, и наблюдал за скатывающимся за линию горизонта солнцем. Суета и гомон палаточного городка постепенно отступали, по мере того как он погружался в привычный круговорот своих размышлений.

С того дня, когда он пересек обозначенную металлическими столбиками будущего ограждения границу лагеря по подготовке солдат удачи, минуло три месяца. Неразбериха и суета первых дней пребывания в палаточном городке сменилась четким расписанием процесса боевой подготовки и обустроенным, насколько это возможно в полевых условиях, бытом.

Мартина хотя и утомляло постоянное присутствие большого количества людей рядом с ним, от чего он в последние годы совсем отвык, но все же он не мог не отметить, что произошедшие перемены возвращали ему прежнюю уверенность и спокойствие, утраченные им за длительный период жизненной неустроенности.

Минуло много лет с тех пор, как выпускник прославленного на весь мир военного училища, в котором готовили офицеров для службы не где-нибудь, а в элитных воздушно-десантных войсках несокрушимой и легендарной Советской армии, физически тренированный и полный энтузиазма молодой лейтенант вступил в должность куркового командира¹. Тягостная в своем однообразии служба оказалась далека от красивой романтики фильмов о лихих рейдах с захватывающими кадрами налетов и диверсий. В реальной жизни и правила игры иные, и люди другого содержания, а карьера строится не на преуспевании в ратных делах, а на умении выполнять то, что от тебя требует старший начальник, независимо от того, насколько его запросы разумны и обоснованы. Не получив за свое усердие ожидаемого признания в первые годы службы, Мартин переключился на спорт. Еже-дневные тренировки хотя и давали определенный результат, но звание чемпиона войск по рукопашному бою так и осталось заветной мечтой. Тренировки и сборы отнимали много времени и сил, что неизбежно сказывалось на службе: вернуться к ежедневной командирской работе оказалось задачей нелегкой. Добавил сложностей начавшийся в ту пору развал Союза и последовавшее за ним лихолетье.

Итогом навалившихся жизненных неурядиц стал поданный рапорт об увольнении из армии, о чем Мартин вскоре пожалел. Неожиданно замаячила возможность получить в командование разведывательную роту. Мартин не поленился обратиться напрямую к командующему, который принял его лично в Москве и, выслушав, твердо пообещал: «Служи. Увольнять не будем и рапорт развернем». Но бюрократическая система работала по своим правилам, и командующий для нее был не указ. Возможно, и сам генерал оказался не очень настойчив в выполнении обещания – приказ об увольнении состоялся. Безуспешные попытки восстановиться в рядах вооруженных сил ни к чему не привели. Удивительным образом почему-то только Мартину в стране, где из армии наметилось поголовное бегство, не находилось места в строю. Как-то нужно было жить, кормить семью и давать выход амбициям, которые подпитывались разворачивающимся перед глазами пиром начального накопления капитала. Но стрем-

¹ Курковый командир – командир куркового взвода. Термин, относящийся к тому времени, когда единственным вооружением пехотных подразделений было стрелковое оружие. В ВДВ использовалось как шутовское название парашютно-десантных подразделений общего назначения.

ление быстро да побольше урвать на безбедную жизнь, которое в ту пору называлось «бизнесом», закончилось криминальной войной, убийством, а затем и тюремным сроком, после чего дверь в ряды российской армии захлопнулась навсегда.

Стало очевидно, что жизнь ушла в сторону от намеченного еще в юности плана и вступила в противоречие с теми нормами и ценностями, которые были заложены обучением в военном училище. Отсутствие интереса и желания заниматься какой-либо гражданской деятельностью не способствовало душевному спокойствию. Уходя порою в запой от неспособности нащупать для себя что-то стоящее и заполнить внутреннюю пустоту, образовавшуюся после ухода из армии, Мартин творил вещи, при воспоминании о которых его до сих пор обжигает стыд.

Одно время он по-серьезному занимался охраной бизнеса от различных наездов. Делал он это без особого воодушевления, больше опираясь на опыт и свое понимание сути данной деятельности. Будучи уже устроенным на теплое место с высокой зарплатой, Мартин, не совладав с собой, вступил в конфликт с начальником – отставным полковником МВД, который мало что понимал в своей работе, да и интеллектом особо не блистал. Не являясь докой ни в оперативной, ни в охранной деятельности, отставной мент при каждом удобном случае козырял наличием связей в структурах, имеющих возможности для закошмаривания конкурентов, – а это в России всегда считалось самым ценным активом. Генеральный директор, не желая конфликтовать с бывшим представителем силового ведомства, настоятельно рекомендовал Мартину уволиться по собственному желанию. Тот не упирался, но поставил все же условие: «Понимаю, что в стране, где власть захватили троечники, по-другому и быть не может. Но по собственному не согласен, только лишь по соглашению сторон». На том и порешили.

Много чего еще было в его жизни: и тюрьма, и сума, и любовь, и авантюры – не было только душевного равновесия, осознания своей нужности и значимости дела, которым занимаешься, и убежденности в правильности своих действий, растроченной за долгие годы метания от одной крайности в другую. Отношения с дочерью у Мартина тоже не складывались – недоставало внутренней силы и уверенности для поддержания авторитета отца. Да и оказать помощь ей в разрешении проблем, которых хватает у молодой девушки, только-только начинающей самостоятельную жизнь, особых возможностей у него не было.

Внутренний конфликт достигал критической отметки, когда отсутствие денег наталкивалось на категорическое нежелание оставаться прислугой у разного рода бизнесменов. В нем укоренилось чувство полного презрения к этим барыгам, не блистающим образованностью и порядочностью, но возомнившим себя элитой нации. Начать же свое дело не позволяло отсутствие каких-либо способностей к предпринимательству: у кого-то есть дар нащупать жилу, приносящую прибыль, и разрабатывать ее, а у другого ее нет и в помине. Мартин же был обучен только военному ремеслу.

Наташа, жена Мартина, долгое время тянула ляжку семейного бюджета в одиночку, с трудом затыкая в нем многочисленные дыры. Требовалось срочно найти решение из создавшейся ситуации – оставаться и дальше непризнанным гением было чревато серьезными осложнениями в семейных делах. Но как это сделать, когда тебе уже сорок восемь?

Вариант выхода из жизненного тупика по-явился после телефонного разговора с давнишним приятелем из Сибири, с которым Мартин как-то познакомился в боксерском зале. Самурай был наемником по убеждению и другого занятия для себя не представлял. В призывном возрасте он оказался в составе 201-й дивизии в горах Таджикистана, когда бывшая советская республика была охвачена пламенем гражданской войны. Потом последовала Чечня, а когда в России почти не осталось горячих точек, Самурай через своих приятелей – таких же, как он, псов войны – устроился на вахты по сопровождению судов через кишасший пиратами Аденский залив. На какое-то время связь между ними прервалась, но в столь критический для Мартина момент они снова нашлись и созвонились. От давишнего друга Мартин и узнал о

существовании некоей конторы, где он мог получить шанс вернуться к той профессии, о которой грезил в юношеские годы и которую оставил в более зрелые. Самурай сообщил ему адрес и время сбора желающих вступить в ряды солдат удачи, корпус которых формировался в районе кубанского Черноземья. Объяснившись с женой, Мартин уже вскоре разместился на полке плацкарта, отправляясь в неведомое будущее.

Мартину не составило труда пройти все вступительные тесты и получить право на место в палатке лагеря основного состава бойцов ЧВК. Навык обращения с оружием он не утратил, физическую же подготовку имел такую, что без труда на трехкилометровом кроссе оставил позади себя основную часть группы, в которой были и более молодые по возрасту. В легион принимали тех, кто имел понятие о военном деле и был по состоянию здоровья способен переносить нагрузки войны. Прежде всего войны – от пополнения не скрывали главного предназначения формирования и открытым текстом предлагали претендентам задуматься о своем выборе, ибо в боевой обстановке тому, кто отступит и подведет товарищей, пощады не будет. Откровенность и конкретика пришлись Мартину по душе – он уже давно устал от фальшивых обещаний и пустых договоренностей.

ЧВК являло собой маленькую армию, в которой не были задействованы только летчики, подводники и ракетчики. Остальные военные специальности в том или ином виде были представлены и востребованы. Мартина окружали люди самого разного толка. Были здесь и закаленные наемники, прошедшие через многие горячие точки, включая Донбасс, и не знающие другого способа зарабатывать на жизнь. Они относились к своей работе со всей серьезностью профессионалов. Были и романтики, желающие опробовать себя в настоящей войне. Присутствовали такие же, как Мартин, познавшие вкус тюремной баланды и растерявшие себя по жизни. Присутствовали и те, кто просто жаждал хапнуть дозу адреналина и получить за это хорошее бабло, и откровенные бездельники-алкоголики – пребывание в рядах военизированного формирования держало их в определенных рамках и не давало возможности спиться окончательно. Каждый из них со своей историей жизни, характером, национальностью и вероисповеданием, но теперь всех их объединяла одна профессия – наемник.

Путь легионера Мартин начал с рядового. Искать свое место в рядах солдат удачи приходилось самому – бывший офицер-десантник в возрасте, не имеющий полноценного боевого опыта, не считался особо заманчивым приобретением. Мартин прибил к подразделению сербов, с которыми сошелся еще в первые дни пребывания в лагере. Их командир с позывным Волк показался ему личностью незаурядной, к тому же экзотика – иностранец. В дальнейшем, уже в процессе подготовки подразделения в лагере и во время первой командировки, Мартин убедился в справедливости поговорки: не все то золото, что блестит. Волк на деле оказался непрофессионалом и авантюристом.

Как только Мартина зачислили в штат, он сразу получил оружие и приступил к подготовке. Учебный процесс был отдан на откуп командирам взводов, большинство из которых никакими методическими знаниями не обладали и в обучении опирались только на свой боевой опыт. В интернациональном взводе, в составе которого оказался Мартин, занятия и вовсе чаще всего сводились просто к обсуждению того, как нужно действовать, без отработки на практике. Хорошо хоть стреляли под присмотром толкового инструктора, приобретая необходимую сноровку. Но все же давно забытые чувства захватили Мартина, и он старался при любой возможности восстановить старые умения и наработать новые. Способствовала этому и хорошая физическая форма, которую Мартину удалось сохранить, несмотря на предшествующую бурную жизнь. Постепенно восстанавливались знания и навыки, полученные в военном училище и за годы службы. Первая зарплата, а затем и вторая послужили хорошим подспорьем для восстановления авторитета мужа и кормильца. И хотя оклад в учебном центре был в два раза ниже командировочных и в три – суммы, выплачиваемой при участии в боевых действиях, но все же по российским меркам он был вполне достойным.

Впереди была новая жизнь, в ходе которой предстояло доказать, прежде всего самому себе, что он способен выполнять работу воина и сможет снова войти в ту реку, из которой вышел много лет назад.

Глава 2

Трансфер

Зал ожидания по ту сторону условной границы быстро заполнился. В основном здесь были военные, но попадались и просто гражданские из состава тыловых служб. Выделялась качественной тактической формой группа людей с озабоченно-надменным выражением лица, характерным для государственных служащих. Все они с удивлением взирали на стоящую особняком подвыпившую ватагу крепко сбитых и разномастно одетых парней.

Признаки распития припасенного спиртного Мартин заметил еще по дороге: уж больно подозрительно затихали между сиденьями стихийно формирующиеся компактные группы. Несмотря на требования Байкера, Мартин не стал пресекать проходивший втихаря выпивон. Во-первых, был уверен в том, что до серьезных нарушений дело не дойдет, во-вторых, решил дать своим разведчикам возможность оторваться напоследок, перед тем как они окажутся в пекле сирийской войны – там, где им предстоит терять друзей и проливать свою кровь.

Россия провожала разведчиков метелью и мелкой поземкой, стегающей по лицам, раскрасневшимся от выпитой водки. Одного из парней все же пришлось волочить, обхватив руками с обеих сторон для придания устойчивости телу, тяжелый рюкзак с солдатским скарбом пошел по рукам до грузовой кабины ИЛ-76. Это был, конечно, перебор: Мартин, жестко встряхнув ослобившего Вована, высказал все, что думает о его поведении, и, приказав всем затихнуть, принялся сам обустраиваться для долгого перелета.

Расположиться на конструкции второго яруса транспортного ИЛ-76 с удобствами было делом безнадежным, учитывая количество людей и техники в его чреве. Грузовой отсек был заполнен под завязку: пара машин, какие-то ящики и тюки, личные вещи; люди размещались как придется, используя любую возможность для того, чтобы без последствий для здоровья выдержать шесть часов полета. Солдаты удачи оказались в более выигрышном положении, чем остальные пассажиры борта. Как только бойцы Мартина нащупывали опору пятой точкой, то независимо от того, где и как им удалось расположиться, сразу засыпали – причиной тому были и усталость от длительного ночного переезда, и долгое ожидание посадки, и, конечно же, выпитая водка. Не успели створки люка закрыться, как разведчики уже спали на зависть всем остальным – лишь некоторым счастливицам удалось разместиться с определенным удобством. Самолет, растолкав облака, быстро набрал высоту, и зимние ландшафты Подмоскovie растворились в темноте ночи. Впереди легионеров ждала другая, неизведанная земля, по которой вот уже пятый год лихобродила война.

Латакия встретила комфортной прохладой средиземноморского побережья. Размяв затекшие суставы, стали выгружаться, складывая вещи в неровные ряды у края взлетки. Старший команды встречающих особого внимания к прибывшим не проявил и не стал утруждать себя пояснениями, какие именно машины для кого предназначены. Байкер тоже без лишних слов занял место в головном пикапе и сразу же отключился от происходящего. Впрочем, он был прав: забота о личном составе – удел командира. Мартину пришлось потратить некоторое время для выяснения простого вопроса: куда грузиться?

Старший небрежно указал на два грузовика, при этом Мартина как командира разведчиков, который по должности имел право ехать в машине командующего состава, он в салон своего автомобиля не пригласил. Кабины «Уралов» уже тоже были заполнены какими-то сопровождающими – то ли хозяйственниками, то ли штабистами, старательно делающими вид, будто они охранение. В лагере скучно, вот и напросились прокатиться.

Тяжелый перелет в грузовом отсеке транспортного ИЛа и досада на неуважительное отношение к нему, командиру роты, со стороны встречающего офицера штаба бригады не

настраивали на миролюбивый тон. Правда, от первоначального порыва выбросить из кабин незваных пассажиров и отправить их в кузов Мартин все же решил воздержаться. Причина сдержанности заключалась прежде всего в нежелании начинать командировку с конфликта: исход был непредсказуем – Мартин все еще оставался для многих выскочкой, и его непочтительное отношение к встречающим могло не понравиться руководству легиона. Конечно, если бы на месте Мартина был какой-нибудь командир-ветеран, заработавший среди солдат уважение и статус, ему бы нашлось место и в пикапе, но недавно назначенный на свою должность командир разведчиков всего этого еще не приобрел. Все же скрыть свое раздражение полностью Мартин не смог и, кинув сидящим в кабине фразу: «На хуя вы всей толпой сюда приперлись, все места позанимали», хлопнул дверью и направился к заднему борту машины. И уже из кузова он еще раз злобно рыкнул на одного смельчака, который, по-видимому, решил выяснить с ним отношения:

– Че ты вылез, зимогор! Иди на место, или сказать мне что-то хочешь?

Мартина прорвало, а в такие моменты в ход шли выражения из тюремного прошлого, и ничего с этим он поделать не мог. Опешив от такого резкого выпада, сопровождающий проглотил обиду и снова спрятался в кабине. Старший команды встречающих тоже получил свое, когда решил поинтересоваться причиной перепалки:

– Сразу нужно было указать, куда грузиться. А не пиздеть с кентами.

Старший не оставил без внимания демарш командира разведчиков и доложил о произошедшем сразу по прибытии на базу. На высказанные в штабе претензии Мартин, пожав плечами, ответил:

– Да никто и не возмущался, сели и поехали.

Равнодушие, с которым Мартин отнесся к обсуждению конфликта, явно обескуражило начальника штаба, да тот и сам не горел желанием ссориться с командиром одного из самых многочисленных подразделений в лагере, поэтому ответ был принят без дальнейших дебатов.

Так началась вторая командировка Мартина в Сирию, с ее покрытыми густым лесом горами в одной части и знойной пустыней – в другой, оливковыми рощами и цитрусовыми садами, древними крепостями и храмами и заваленными мусором улицами городов и деревень. Он и его разведчики понемногу обустраивались на новом месте, на территории учебного городка местного аграрного университета. Через пару недель им предстоял первый выход в горы и встреча с войной, о которой здесь, в расслабляюще мирной обстановке, напоминало только наличие большого числа вооруженных людей и плакаты с изображением погибших героев.

Глава 3

Подготовка к боям

Территория учебного городка аграрного университета, где разместились легионеры, являлась опорной базой местного ЧВК с громким названием «Соколы пустыни», которую основали и финансировали олигархи братья Джаберы. По сирийским меркам это военизированное формирование, состоявшее в основном из ветеранов армии САА², считалось элитным. Его бойцы зачастую и воевали успешнее, чем регулярная армия, да и за свой ратный труд получали несравнимо больше кадровых военных. Между обеими ЧВК – сирийской и российской – существовали договоренности о всесторонней военной подготовке местных наемников под руководством русских солдат удачи. С обучения «Соколов» легионеры и приступили к своей работе на войне в Сирии в этот заход.

Перед тем легионеры успели встретить новый две тысячи шестнадцатый год. Отмечали застольем, но пили в меру. Вечеринка удалась: были и тосты за здоровье, и отменная закуска, угомонились далеко за полночь. Через пару дней приняли первый груз прибывшего с родины вооружения и снаряжения, после чего приступили к процессу боевой подготовки. Чтобы включиться в работу по-настоящему, потребовалось некоторое время: тяжело выходить из состояния праздного безделья, когда основная фаза подготовки в базовом лагере в России давно закончена, а на месте, куда прибыли, боевые действия еще не начались. Мартину пришлось даже применить свое командирское право на наказание, дабы помочь парням преодолеть охватившую их лень. Не возникло проблем только со взводом опытного вояки Чупа, сразу же взявшего в оборот своих подчиненных, но оно и понятно: его бойцы были ребята обстрелянные. Со вторым взводом дело обстояло похуже – в нем собрались еще не бывавшие в серьезных боях гонористые и самонадеянные новички, которым только предстояло набраться матерости и понять, что военное ремесло – это постоянный труд и совершенствование необходимых навыков. Не покладая рук трудились специалисты технических средств разведки. Гурзуф и его отряд операторов готовили к работе устройства наблюдения и прослушивания, им было чем заняться.

Утро начиналось с непродолжительной разминки с обязательной пробежкой, затем завтрак. Готовили себе сами, кто во что горазд, используя сухие пайки и купленные в окрестных магазинах продукты. После короткого сбора легионеров перед центральным входом учебного корпуса территория лагеря превращалась в тренировочную арену, повсюду были слышны звуки команд, лязганье оружия, крики и топот бегающих строем «Соколов». Часть наемников, не задействованных при подготовке союзников, облачившись в снаряжение, удалялась за пределы лагеря отрабатывать в группах взаимодействие в бою. Небольшое стрельбище, расположенное прямо на берегу Средиземного моря, практически никогда не пустовало. Солдаты удачи стреляли много, набивая руку. Спецназовцы ГРУ³, мимо поста которых регулярно перемещались легионеры, смотрели на них с нескрываемым удивлением. Они не понимали ни кто эти люди, ни зачем им нужны столь частые стрелковые тренировки – сами спецназовцы стреляли редко и непродолжительно, подходя к выполнению требований устаревших инструкций буквально.

Все подразделения садыков⁴ под управлением русских инструкторов начали готовиться каждое по своей программе. Минометчики то собирали орудия по-походному, то разворачи-

² САА – Сирийская арабская армия, основные правительственные сухопутные войска Сирийской арабской республики (САР).

³ ГРУ – Главное разведывательное управление, орган внешней разведки Министерства обороны РФ.

⁴ Садыки (от «садык», в переводе с араб. «друг») – представители сирийских союзных подразделений; русские наемники

вали их для ведения огня, одновременно обучаясь выставлять установки для стрельбы. Пехота перемещалась взад и вперед перебежками, отрабатывая тактические приемы боя. Пулеметчики и гранатометчики осваивались со своим оружием. Довольно быстро стало понятно, что особого рвения к занятиям «Соколы пустыни» проявлять не собираются. Истязать себя напряженными систематическими упражнениями было им явно не по нутру. Они совершенно не могли взять в толк, зачем необходимо повторять раз за разом одни и те же действия, если они единожды уже сделали их правильно. Наука воевать не относилась к той области, в которой они были способны преуспеть. А ведь это одно из лучших сирийских военных формирований – что же говорить про остальную армию! Недаром за все семьдесят лет своего существования САА так и не смогла одержать ни одной победы, огребая то от евреев, то от турок. Война для сирийцев так и оставалась чем-то на уровне: собралась толпа на толпу, постреляли друг в друга из того, что имеется, и кому больше повезло в этой бессистемной перестрелке, тот и победил. В таком отношении садыков к войне Мартину не раз доведется убедиться на собственном опыте.

Тем временем лагерь легионеров пополнялся прибывающими из России бортами. Подоспела техника, и даже Мартин, к великой своей радости, наконец получил обещанные машины. Правда, все пикапы пришлось отдать Гурзуфу: под его беспилотники как основное оперативное средство разведывательных действий требовались малогабаритные быстрые автомобили. Под общие нужды роты выделили КамАЗ и «Урал», сам же Мартин как командир на долгое время остался без личного транспорта.

В эту командировку, в отличие от предыдущей, командование союзных войск, уже не надеясь на боеспособность сирийской армии, планировало задействовать легионеров как основную ударную наземную силу. Легионеры об этом знали и серьезно готовились. И легкой работы для себя не ждали.

Глава 4

Сальма

Горы Латакии – живописные, покрытые лесом скалы и ущелья, обжитые людьми трудолюбивыми и не лишенными тяги к прекрасному. Красивые, даже в военное лихолетье сохранившие признаки обустроенности и комфорта города и поселки с обязательной возведенной и старательно отделанной мрамором мечетью вызывали симпатию к местным жителям.

Хотя климат здесь был более суровым, чем на побережье, невысокие горы позволяли возвращать на покрытых плодородным слоем склонах цитрусовые и другие, экзотические для русского солдата, фрукты и овощи. Эти же горы, покрытые низкорослыми, но густыми лесами, являлись отличным прикрытием для передвижения воюющих против Асада крупных отрядов Свободной сирийской армии и ан-Нусры⁵.

В этих районах и идеологическая почва оказалась благодатной для действий оппозиционных группировок. Местные жители сильно недолюбливали представителей приморских районов Сирии. В первую очередь эта нелюбовь основывалась на неравном положении различных региональных кланов внутри страны. Представители правящей верхушки с помощью службы безопасности Мухабарат⁶ успешно оттесняли все другие влиятельные группы от самых лакомых кусочков государственного пирога. Разногласия в вопросах веры и в тонкостях соблюдения норм ислама тоже присутствовали, но играли скорее вспомогательную роль, лишь усиливая взаимную ненависть и оправдывая убийства соплеменников. Градус этой ненависти поддерживали асадовские солдаты, с азартом промышляя мародерством и учиняя репрессии при попустительстве своих генералов. Грабежом они занимались увлеченно, отдаваясь этому занятию целиком и компенсируя награбленным свое вопиющее неумение воевать. Правительство подводило под это оправдательный мотив: экспроприация была наказанием за противостояние законной власти и убийство ее представителей.

Подливала масла в огонь и находящаяся неподалеку Турция, явно настроенная погреть руки на междоусобной расправе соседа. Она обеспечивала оппозиционную Свободную армию не только оружием и снаряжением, но и профессиональными военными советниками, которые зачастую, не особо скрываясь, руководили своими подопечными прямо на поле боя. По всему выходило, что война здесь будет длиться очень долго.

Русский легион, представленный ротой Ратника и группой разведчиков, отправили на северо-восток на помощь асадовским отрядам, которые после вмешательства в войну сил ВКС России⁷ стали постепенно продвигаться вперед, отвоевывая утраченные прежде районы. Сборы были недолгие. Солдаты удачи, готовые уже с раннего утра к выезду, ожидали только погрузки и команды «Вперед!». А куда вперед – разницы по большому счету не было. Есть война, есть работа, а в деталях разберемся на месте.

Базовым пунктом для наемников стал городок Талла, разбросавший дома по склонам неглубокого ущелья. Местные старейшины предложили легионерам поселиться в домах, оставленных теми, кто уехал подальше от войны. Здесь же разместилась группа управления от ВС России, координирующая усилия артиллерии и пехоты на направлении наступления от Сальмы и далее на север в сторону турецкой границы. Их охраняла группа специального назначения из состава ГРУ откуда-то из Сибири. Мартин за все время пребывания в Сирии –

⁵ Ан-Нусра – организация, признанная в соответствии с законодательством Российской Федерации террористической.

⁶ Мухабарат – название разведывательных ведомств в арабских странах, основной задачей которых является защита правящих режимов от внешних и внутренних угроз.

⁷ ВКС России – Военно-космические силы РФ, образованные в 2015 году в результате объединения Военно-воздушных сил (ВВС) и Войск воздушно-космической обороны (ВВКО).

и до этого, и после – наблюдал крутых спецназовцев ГРУ только в виде охраны штабов и генералов. Парни из спецназа не выходили на передовую и в боях участия не принимали. Спецназ курсировал по тылам, сопровождая всяких деятелей в погонах и без, что-то охранял, за чем-то наблюдал, но в лихие рейды по тылам врага не ходил и объекты не штурмовал, разве что, по случайности заблудившись, иногда вступал в перестрелки с не особо настроенными на атаку духами. Тогда, еще при первых попытках совместных действий, наемники только втягивались в ситуацию, разогреваясь перед главными боями, и слабо представляли, чем занимаются российские военные в этом регионе. Отношение к представителям вооруженных сил, сначала уважительное и приветливое, впоследствии становилось все более прохладным и менее почтительным. По-другому и быть не могло: солдаты удачи штурмовали объекты и отражали атаки, погибали и получали ранения, тогда как представители армии только раздавали интервью, в которых, не стесняясь, повествовали о своих подвигах, да получали за свои мнимые заслуги государственные награды. Но это все в будущем, а пока: «О, здорбво, браток. Сам откуда? Давай подруливай, чаем, кофе угостим».

Куратор предстоящей операции от группы управления обладал внешностью интеллигента в пятом поколении, за глаза его все просто звали Сергеич. В его задачи входила организация взаимодействия союзников, русских легионеров и поддерживающих их артиллерии и авиации российской армии. По прибытии на командный пункт легионеров он в ходе короткого совещания быстро ввел в курс дела всех присутствующих, определив время готовности к выезду.

Цель, которая стояла перед солдатами удачи, была непростой. Необходимо было занять рубеж для отражения контрнаступления бойцов Свободной сирийской армии, которые пытались добиться перелома в битве за Сальму. Ратник вышел из КП и, на ходу отдавая распоряжения и подгоняя командиров, направился к своему пикапу.

Колонна, состоявшая из давно списанных «Уралов» и ГАЗов, тронулась, прокладывая свой путь по горной дороге, натужно ревя и напрягаясь изо всех своих оставшихся сил. Впереди колонны, словно пышущий здоровьем соцработник, ведущий за собой вереницу пенсионеров до ближайшей социальной столовой, указывая направление, шел не потревоженный временем и трудностями «тигр» гэрэушников – красавец, полный сил и энергии.

Примерно через час после многочисленных серпантинных и узких съездов, на которые грузовики легионеров могли выйти только со второго, а некоторые и с третьего цикла качелей вперед-назад, показалась окраина Сальмы – города, разрушенного подобно Сталинграду в сорок третьем. Миновав центр, колонна выехала на северную окраину, остановившись на выезде в пригород так, чтобы вытянувшееся вдоль дороги возвышение служило прикрытием.

По прибытии внимание легионеров сразу же привлекла суeta союзников, прятавшихся от огня духов за холмом, на склоне которого раскинулась небольшая кедровая роща. Сергеич позвал Ратника и Мартина и довел до них описание ситуации, переданное через переводчика командирами сирийцев; те стояли рядом, напуганные и растерянные.

Ситуация, несмотря на свою напряженность, была знакома и ожидаема: противник, рано утром атаковав садыков, выбил их с позиций на северной окраине города и теперь, судя по всему, сосредотачивает силы для дальнейшего продвижения вперед. Самым печальным в этой истории было то, что два танка, принадлежавшие войскам Башара Асада, теперь являлись собственностью мятежников ССА⁸. Отступавшие их просто бросили, покидая свои позиции.

Время работало против легионеров. Духи с минуты на минуту могли начать движение, и, для того чтобы остаться с ними на равных, необходимо было занять выгодные позиции. Весть о танках совсем не радовала – средств для борьбы с бронированной машиной, обладав-

⁸ ССА – Свободная сирийская армия, альянс вооруженных повстанческих группировок, воюющих против режима Башара Асада.

шей мощной пушкой, было не так много. Но плакаться тут некому, поэтому Ратник сразу же запустил механизм подготовки к приему «гостей», раздавая указания и распределяя людей и вооружение по рубежам города.

Мартин по распоряжению спокойного, не подверженного лишней суете Сергеича переместился с группой разведчиков в дом, который тот определил как будущий штаб, и, досмотрев его, принял всех тех, кто будет управлять операцией.

Работа началась одновременно с развертыванием тяжелого вооружения. Наблюдатели уже на первых минутах после занятия позиций заполнили эфир сообщениями о передвижении врага на противоположной стороне. Духи перемещались мелкими группами: и в неглубоком ущелье, застроенном домами, и на возвышенности напротив позиций легионеров километрах в трех от них. По высокой активности боевиков было понятно: идет накопление сил на плацдарме для дальнейшего броска вперед на Сальму.

Расчеты крупнокалиберных «кордов» и АГС⁹ заработали, едва успев упереть сошки и крабы станин в бетон наскоро расчищенных площадок среди полуразрушенных зданий. Ориентируясь на целеуказания наблюдателей, наводчики определяли установки оружия на глаз, давили на спусковые крючки и уже по результатам корректировали огонь. В такой момент жизненно важно сбить волну готовящегося броска в твою сторону, дать возможность остальным занять свои места в оборонительном порядке и обеспечить шанс на выживание и победу.

Еще через какой-то промежуток времени в дело вступили снайперы. Привыкшие к более размеренному и неторопливому темпу перемещения при выборе места для стрельбы, Мирный и Гоба начали охоту из своих дальнобойных «манлихеров», приговаривая к смерти всякого, кто зазевался или неудачно укрылся.

Ратник подгонял бойцов, направляя расчеты на места, казавшиеся ему оптимальными. И когда все оружие, прибывшее в колонне, распределилось по своим позициям, окрестности огласил оглушающий, словно гудение гигантского шмеля, рев, последовавший за грохотом выстрела ПТУР¹⁰.

Ракета пошла в первый обнаруженный танк, устраняя главную головную боль и источник опасности – на тот случай, если у мятежников нашелся бы экипаж, способный завести машину и направить ствол пушки в сторону русских.

Бойцы Ратника приступили к своей привычной и хорошо отлаженной работе. Изрыгали короткие очереди тяжелые пулеметы, злобными псами, подпрыгивая на станинах, коротко и громко лаяли автоматические гранатометы. Стегали по ушам гулками выбросами одиночных зарядов дальнобойные снайперские винтовки, орали наблюдатели и все те, кто имел бинокли, шаря впереди себя взглядом, выискивая цели. Перебирая ногами, не в силах бежать, бойцы снова и снова подносили тяжелые короба с боеприпасами, восполняя ненасытные потребности прожорливых механизмов.

Сергеич после короткого совещания с командиром каких-то местных «грозных ястребов» или «отважных кречетов» – арабы склонны к выбору пафосных названий для воинских формирований – указал Мартину на мечеть слева и поставил задачу отправить туда группу для наблюдения за флангом. С разведчиками должна была выдвинуться и небольшая группа союзников, кучковавшаяся недалеко от штабного дома. Но хоть и приободренные прибытием русских отрядов, эти «ястребы» все равно отказались уходить с места, где они чувствовали себя в безопасности. В итоге Зодчий с еще тремя бойцами, обговорив с Мартином маршрут, выдвинулся в путь самостоятельно. Легионеры могут обсудить указания, но не выполнить их им и в голову не придет.

⁹ АГС – 30-миллиметровый автоматический гранатомет на станке. Предназначен для поражения живой силы и огневых средств противника, в том числе, посредством стрельбы по навесной траектории, находящихся за укрытием.

¹⁰ ПТУР – противотанковая управляемая ракета, предназначенная для поражения танков, бронированных целей и защитных сооружений.

Сам Мартин переместился с остальными в дом, который выходил противоположной стороной на позиции духов. Место было удобным – дом крепкий, в один этаж, из нескольких точек можно просматривать пространство перед линией, занятой Ратником и его бойцами.

Работали только парни Ратника; у разведчиков Мартина таких мощных систем огня не имелось, поэтому они со своими автоматами и пулеметом «Печенег» выполняли задачу охраны флангов, во все глаза глядя по сторонам, дабы не допустить из какой-нибудь лазейки внезапной атаки духов переднего края русских.

Тем временем по гребню высоты напротив заработала вызванная по радиации артиллерия, уничтожая противника, находящегося в дальности, недостижимой для оружия легионеров. К общей какофонии звуков добавился грохот вернувшейся на позиции зенитной установки союзников. У правительственных войск вполне хватало солидного вооружения для отражения атак противника, их основной проблемой была неспособность держать удар и справляться с паникой даже при самых незначительных боевых столкновениях.

Мартин выбрался из дома с безопасной стороны и подошел к штабу, где у заваленного всяким хламом входа обсудил ситуацию с одним из штабистов и на всякий случай обозначил через него место своего пребывания для Ратника и Сергеича. Все были на местах: парни наблюдали за обстановкой впереди и на флангах, оружие штурмовиков продолжало грохотать, пресекая любое движение со стороны духов. День клонился к вечеру, и активность врага затухала, потеряв свою энергию под встречным прессингом огня русских наемников.

Исход боя был всем очевиден: понеся потери и упустив момент для атаки, рассеченная легионерами группировка Свободной армии уже была неспособна наступать. По наблюдаемым результатам, потери в рядах боевиков были слишком значительными. Окончательно осмелевшие союзники двинулись по дороге на прежние позиции. Ратник отозвал группу Зодчего из мечети, так как там снова вовсю обживались солдаты Асада.

Мартин присел на разбитый парапет у штабного дома и закурил. Тяжелый и неудобный бронезилет давил вниз, изредка по телу пробегала дрожь: солнце, скатываясь за вершины, грело скупо. Одежда, взмокшая под броней во время дневного тепла, стала остывать, согреться было негде. «Что-то уж больно зябко становится», – пронеслась в голове мысль вместе с сожалением о теплой куртке, оставленной в кабине машины, укатившей вместе с транспортом за боеприпасами. Мартин сплюнул от досады, и в этот же момент над головой с громким и злобным шипением пролетела ПТУР.

Каким-то чудом миновав проем окна штаба, пройдя чуть выше крыши, снаряд врезался в склон скалы за домом. Как только сознание Мартина уловило звук ракеты, ноги непроизвольно обмякли, и он спрятался за спасительный парапет. Услышав взрыв, он вскочил и, развернувшись в сторону входа, быстро окинул взглядом фасад здания – снаряд прошел мимо. Невероятно, как управляемая ракета не попала в хорошо видимый со стороны противника дом?

Все находившиеся в штабе выбежали и рассредоточились на близлежащей площадке. Сергеич на выходе сделал короткое заявление, мол, «примелькались, этого вообще-то следовало ожидать», и подал знак Ратнику сворачиваться.

Второй пуск вражеской ракеты пришелся по расчету из штурмовиков, которые решили добить захваченный противником танк. Расслабленные грамотно построенной обороной, бойцы не стали менять прежнюю позицию, не сообразив, что она уже засвечена и духи за ней внимательно следят. Сразу после того, как штурмовики произвели пуск ракеты по корпусу танка, окончательно списав его в утиль, рядом с ними взорвалась вторая ПТУР. Парней, оглушенных взрывом, быстро вытащили на безопасное место. Победа сегодня, конечно, осталась за легионерами, но недобитый зверь способен кусаться – это один из основных законов войны.

Охотиться за пусковой установкой не стали, день был утомительный, поработали хорошо. Потерь, за исключением оглушенного оператора ПТУР, не было. И воодушевленные союзники

тоже заняли свои места. Скорее всего, чуть позже доработает авиация, поэтому можно было собираться в обратный путь – на базу в Таллу.

Глава 5

Хозяева жизни

Возвращались из Сальмы медленно. Узкие горные серпантины не давали достаточного простора для тяжелой большегрузной техники. Да и «Уралы» и ГАЗы, на которых передвигались легионеры, уже изрядно поизносились. Времена, когда эти машины бодро колесили по дорогам, только покинув сборочные цеха заводов, давно миновали.

Наемников не баловали новой техникой, и очень часто они с завистью поглядывали на земляков из состава официальных вооруженных сил России, которые перемещались на новеньких бронированных КамАЗах и «тиграх», и сплевывали от досады, когда провожали взглядом совсем еще свежие «тойоты» и ГМС, на которых раскатывали союзники.

В феврале горные дороги Сирии становились не только некомфортными, но и опасными. Они были размыты дождями, в результате чего на них под тяжестью многотонных машин образовывались трещины, что в любой момент могло привести к обрушению большого фрагмента дорожного полотна и утянуть за собой в ущелье технику легионеров.

Неожиданно на узкой дороге возник инцидент. Навстречу колонне легионеров уверенно шел, не сбавляя ходу, мощный джип американского производства с наглухо затонированными стеклами. По всем признакам это был автомобиль мухабаратовцев, всесильной службы безопасности Сирии. Отличить их можно было по марке крутого внедорожника, а также по уверенной убежденности водителя вести машину так, будто кроме него во всей Сирии больше никого нет. Он даже не пытался найти площадку, чтобы переждать прохождение тяжелой техники. При этом было совершенно очевидно, что колонна машин, если бы и захотела, все равно не смогла бы ужаться до такой степени, которая позволила бы черномордому «американцу» беспрепятственно продолжить свой путь.

Но еще не остывшие после дневного боя легионеры даже если бы и смогли, не стали бы уступать дорогу представителям сирийской спецслужбы, к которой относились безо всякого почтения. Бывалые солдаты удачи, будучи опытными профессиональными военными, хорошо представляли себе основные функции военной контрразведки в зоне боевых действий. В первую очередь к ним относились контроль за выполнением боевых приказов, за моральным состоянием рядового и офицерского состава, пресечение случаев мародерства и бессудных расправ над гражданским населением и уничтожение диверсионных групп и разведчиков противника. Но ничего из этого мухабаратовцы в действительности не выполняли. Солдаты при первых признаках опасности легко бежали с поля боя, командиры сирийцев особой тактической смекалкой не обладали и зачастую отдавали абсолютно бездарные приказы, мародерством в рядах сирийской армии не занимался только ленивый, да и случаев дезертирства тоже было немало. Дошло и до вопиющего: диверсионные группы противника постоянно устраивали засады на прифронтовых дорогах, и, попав в одну из них, погиб российский генерал. Казалось бы, этот случай должен был больно ударить по репутации сирийской службы безопасности и привести к оргвыводам для ее сотрудников. В реальности же ничего не изменилось, и везде, где бы ни появлялись эти откормленные, грозного вида гориллы, они всем своим видом демонстрировали собственную исключительность. Воспринимать серьезно этих самодовольных индюков, важно расхаживающих с новыми автоматами, бойцы ЧВК не могли, да и не хотели.

Внедорожник сбавил скорость – очевидно, обратил наконец внимание на то, что встречная колонна не собирается ни ужиматься, ни сдавать назад. Машины продолжали двигаться вперед, потихоньку сокращая расстояние до мухабаратовцев. Те еще некоторое время стояли на месте, соображая, как им поступить. Но после того, как из кабины головного «Урала»

им недвусмысленными жестами, сопровождаемыми ругательствами, предложили освободить дорогу, джип попятился и, съехав на небольшую площадку ниже, стал терпеливо дожидаться прохождения всей колонны.

Тем временем движение продолжалось. Мартин с трудом боролся со сном: за день он изрядно вымотался. Но удобное место в кабине, которое он занимал, предполагало выполнение правила, которое появилось с самого начала использования в войсках военной техники: тот, кто сидит в кабине рядом с водителем, спать не имеет права, так как нужен постоянный контроль за тем, кто у руля, – он тоже человек, устает и может заснуть. Встреча с мухабаровцами позволила Мартину завести с водителем разговор; они уже вместе беззлобно пошутились и посмеялись над глупым поведением представителей местных спецслужб. Действительно, те, кто был в салоне джипа, не могли не видеть колонну,двигающуюся им навстречу, и не могли не распознать русских, но при этом все равно ехали вперед, видимо по инерции тупого мышления не сомневаясь в беспрекословном исполнении своих капризов любым, кто встретится им на пути.

Гребаные хозяева жизни! – усмехнулся про себя Мартин. – А мало ли таких джипов носится по дорогам России-матушки, так же не замечая других, пренебрегая правилами и простыми человеческими понятиями. Там, в салонах дорогих машин, тоже млеют от своей значимости разного рода чиновники, зажавшиеся бизнесмены и их отпрыски, охуевшие от безнаказанности бывшие чеченские боевики, получившие особые права за обязательства не воевать против центральной российской власти. В России спустить их всех на землю и заставить уважать элементарные правила на порядок сложнее. Изрядно придется потрудиться, чтобы очистить родину от подобных особей».

Невеселые рассуждения прогнали сон, а вскоре уже показались и домики Таллы, где располагалась база легионеров. Длительный и утомительный день подходил к завершению. «Сейчас насытимся, отдохнем, а завтра снова за работу», – поставил точку Мартин.

Глава 6

Командирские тяготы

Приютившаяся на склонах живописного горного массива Сальма, доведенная войной до состояния города-призрака, в конце концов была освобождена от отрядов ССА, но подступающий к пригороду поселок все еще не был досмотрен, и сделать это должны были легионеры и сформированное недавно подразделение разведки сирийской армии. Населенный пункт, как оказалось, был прекрасно подготовлен к обороне, причем со смекалкой действительно талантливого фортификатора. Отстроенные из шлакоблоков огады в сочетании с бочками, установленными с внутренней стороны ограждения и наполненными камнями, несмотря на кажущуюся ненадежность, представляли собой мощные защитные укрепления. В нишах, вырытых под бетонные площадки у крылец домов, могли спокойно, не волнуясь за собственную жизнь, отсиживаться стрелки во время артиллерийского обстрела – толщина бетонной заливки позволяла. Сложившийся от взрыва дом из железобетонных плит превратился в хорошо оборудованный дот, держащий под контролем центральную улицу и проулки. Досмотр, осторожный со стороны легионеров и шумно-хаотичный со стороны сирийских разведчиков, показал, что духи ушли, решив не использовать опорный пункт по назначению. Выполнив поставленную задачу, вся группа двинулась в обратный путь – на подъем в сторону Сальмы.

Подъем длился мучительно долго, и даже то обстоятельство, что идти пришлось по вьющейся серпантинной асфальтовой дороге, а не по горной тропе, не облегчало ситуацию. Нагруженные боеприпасами легионеры шли медленно, переставляя ноги так, словно были одеты в водолазные костюмы для глубоководного погружения. Тяжелые подсумки с патронами и гранатами давили на плечи и ноги, вызывая одышку и боль в икроножных мышцах.

Положение усугублялось невозможностью набрать скорость и войти в определенный ритм дыхания. Идущие впереди союзники часто останавливались для отдыха, но обойти их не позволяло указание замыкать колонну при выходе из населенного пункта. Из-за этого легионерам также приходилось останавливаться и пережидать.

После преодоления примерно половины пути Мартин оценил ситуацию и понял, что частые остановки в той же степени были необходимы и уставшим солдатам удачи – перевести дыхание и подождать отставших. Он испытывал сильное раздражение, вспоминая, что во время обучения в университетском городке делал упор на военно-тактическую подготовку бойцов в ущерб занятиям по физической подготовке, и теперь они не обладали достаточной выносливостью для передвижения в горах. Правда, надо признать, что и сами легионеры очень часто относились к зачетам по физподготовке как к капризу высшего начальства, считая, что они и так находятся в хорошей форме, а значит, унижать их зачетными кроссами и отжиманиями – просто прихоть руководства. Свою роль сыграла и ужасная программа подготовки непосредственно перед командировкой в Сирию, которая не могла вместить в себя дополнительные занятия и марш-броски. И хотя во время тренировок бойцы передвигались на значительные расстояния при полном снаряжении, недоработка все равно была налицо.

«Эх, нужно было побольше гонять ребят ускоренным маршем и снаряжение доводить мешками с песком до веса боевой укладки», – с сожалением думал про себя Мартин, недовольно наблюдая за бойцами. Большая часть группы брела по дороге на подъем, уткнувшись взглядом в асфальт и не выдерживая требуемой дистанции между собой, то сокращая ее, то увеличивая до критических пределов, позабыв в безразличной усталости об одном из правил войны: расслабиться можно только на лежаке у себя в расположении, находясь под охраной дежурной смены часовых. Но терять бдительность на дороге в районе, который так и не был до конца разведан, недалеко от только что освобожденной Сальмы, было недопустимо. Мартину

приходилось постоянно напоминать бойцам о необходимости держать дистанцию и смотреть по сторонам.

«Вот оно, твое гуманное отношение к бойцам, уставшим от занятий, которые вполне могли бы выдержать и дополнительные нагрузки. Вся их лихость и опыт Чечни и Донбасса – пустой звук, когда потерял контроль за ситуацией при тяжелом физическом напряжении. Не надо было спорить и убеждать, жалеть и цацкаться. Надо было заставлять и требовать, а самым недовольным – выписывать билет за пределы учебного центра через заполнение обходного листа. Теперь приходится пожинать плоды своего щадящего отношения», – выговаривал себе Мартин.

И без того невеселые думы омрачало решение отправить Золотого в Латакию с последующим разбирательством. Причина, из-за которой Мартину предстояло расстаться с опытным бойцом, была глупой до банальности. Золотой бросил Мартина, своего командира, одного, без охраны, когда тот во время зачистки общался с сирийскими разведчиками, и ушел с другими союзниками вперед. Когда Мартин, переговорив с командиром союзников, оглянулся, бойца уже рядом не было, и пришлось вызывать Зодчего для розыска разведчика, про-явившего неоправданную самостоятельность. Пресекая мысли о возможном элементарном стремлении легионера к наживе – в большинстве домов имущество, брошенное в спешке владельцами, бегущими от войны, оставалось нетронутым, – Мартин пытался найти объяснение действиям бойца. На отговорки самого нарушителя: «потерял из виду», «не так понял» – Мартин отреагировал категоричным заключением: «Если ты не понимаешь поставленную тебе боевую задачу и оставляешь командира одного, значит, тебе здесь не место».

Впереди снова заминка – пулеметчик союзников, брошенный своими боевыми товарищами, присел на обочину отдохнуть. Это уже начинало злить. Сирийские разведчики, в сравнении с русскими шедшие практически налегке, могли бы и помочь своему товарищу, несущему основное оружие прикрытия и поддержки. Да и тот не сказать что был сильно нагружен, имея при себе, помимо пулемета, лишь только малый короб с патронами, но все равно все снова пришлось останавливаться и ждать.

Подъем наконец закончился, на окраине пригорода Сальмы их ожидали машины. После доклада старшему начальнику, который внимательно выслушал, уточняя детали, погрузились в армейские грузовики и тронулись на отдых в Таллу, где предстояло еще провести совещание по результатам выхода группы.

Во время совещания все пошло так, как и предполагал Мартин. Высказав претензии в отношении Золотого, он в ответ услышал доводы в его защиту, а также просьбу самого нарушителя не применять к нему крайние меры. После чего Мартин озвучил свое окончательное решение: «Согласен. Но только с испытательным сроком, до первого залета».

Для Мартина было очевидно, что Золотой просто сорвался, инстинкт самосохранения на войне имеет свойство со временем притупляться. Будучи по сути простым, хотя и опытным бойцом, Золотой был хорош в боевой ситуации, но быстро расслаблялся при отсутствии явной опасности. Его воображение, а точнее, нехватка онога, не допускало и мысли о возможной вражеской засаде или о наличии фанатиков-одиночек, которые идут на самоподрыв или открывают стрельбу, не считаясь с собственным уничтожением. И хотя в тот момент уже стало ясно, что в городе духов нет, – иначе бородатые бы не дали группе прикрытия занять позиции на местах, позволяющих контролировать основные направления, – терять бдительность ни в коем случае было нельзя.

По прошествии некоторого времени, уже на госпитальной койке, Мартин вспоминал эту командировку. Было много и других ситуаций, когда ему приходилось тратить свои нервы и время, добиваясь от подчиненных выполнения довольно простых и нужных указаний. В таких случаях он мог и должен был применить власть командира и спровадить одного или двух до родины без причитающихся им денег. Но он не делал этого, о чем впоследствии сожалел.

Вспомнил, как однажды потребовал вырыть выгребную яму и столкнулся с капризным недовольством и тихим саботажем выбранных исполнителей, которые увидели в этом задании попытку опустить их ниже плинтуса и всем своим видом демонстрировали чувство неприятия и брезгливости. Чего начальнику надо? Можно и в заросли ходить и там прекрасно справлять нужду. А начальник считал такой способ опасным с учетом прифронтовой полосы, ненадежных заслонов союзников и весьма вероятного появления диверсионных групп противника. Пусть лучше нуждающийся в опорожнении кишечника садится на корточки в месте, которое хорошо видно часовому собственного охранения, чем лезет в дебри, где его могут зарезать.

«Людей надо уметь наказывать, когда они этого заслуживают», – говорил себе Мартин, но в последний момент почему-то проявлял ненужное снисхождение.

Находясь в госпитале, он осознал недостаточность своей квалификации как командира наемников, который прежде всего должен был уяснить для себя уникальность их формирований на войне. Он обязан был не только учить других, но и сам осваивать науку выживать и побеждать, действуя в условиях, когда тебя не стесняют требования уставов, когда твое командирское положение обеспечивается не офицерским званием, а авторитетом у подчиненных и доверием тех, кого ты ведешь в бой. Он обязан был суметь объяснить бойцам, что могут меняться тактические приемы по мере совершенствования оружия, но правила выживания на войне остаются неизменными. И если легионер считает для себя унизительным выполнять элементарные правила предосторожности, лучше ему сразу покинуть коллектив, чем подставлять своих товарищей на поле боя, когда самая незначительная небрежность одного может отразиться на каждом в группе. Можно измотать бойцов до истощения в тренировках на полигоне, но все это будет напрасным, если не прививать им почтение к мелочам, пренебрежение которыми способно свести на нет все усилия.

Многие так и остаются на уровне своих привычных представлений, в которых настоящим мужикам непозволительно опускаться до рытья отхожего места: они сюда, видите ли, приехали воевать, а не в земле копать. Им невдомек, что высокомерие и гордыня – это признаки глупости, которые не имеют никакого отношения к военному профессионализму. И рассуждающие подобно им не должны становиться легионерами.

Неоднократно Мартин сталкивался и с другой стороной психологии солдат удачи – с их излишней самоуверенностью. Казалось бы, опытные и понимающие суть войны ветераны не принимали простых, но жизненно важных вещей, объявляя их нереальными в боевой обстановке и не понимая, что ненужными и нереальными эти вещи делают они сами собственными действиями, непродуманными и ошибочными. Соблюдение правил ведения боя требует воли и самоконтроля, и признаться в том, что как раз этих качеств в боевой ситуации не хватает, способен не каждый. На деле весь боевой опыт таких горе-бойцов сводился зачастую к банальному везению, благодаря которому они выходили живыми из серьезных переделок, куда попадали по собственной глупости. И самое плохое, что они не делали из этого никаких разумных выводов.

Мартин часто терзал себя вопросом: прав ли был он, время от времени идя на компромиссы, вместо того чтобы быть жестким, учитывая серьезность тех задач, которые приходилось выполнять? На кону ведь были не просто отвлеченные понятия типа «выполнил или нет», но прежде всего жизни людей. И все-таки, приходил он к выводу, каждая конкретная ситуация требовала отдельного подхода, и нельзя подступать с единой меркой ко всем проступкам, если, конечно, это не касается случаев явного дезертирства или подлости в отношении своих.

Но момент для мучительных размышлений наступит позже, а пока продолжается война и каждый день ставятся новые боевые задачи. Для душевных переживаний времени не остается – необходимо просто быть сильным.

Глава 7

Выходной от войны

Дождь. Со вчерашнего дня небо над уютным, неброской красоты ущельем было затянуто облаками и без конца лил дождь. Осадки то низвергались с неба плотной дождевой стеной, то зависали в воздухе серой водяной взвесью. Городок, расположенный на высотах, прикрывающих ущелье с западной стороны, был погружен в тоскливую мокроту. Дома и деревья, размытые туманной дымкой и завесой дождя, представляли собой унылое зрелище. В этих местах сильные дожди являлись серьезной проблемой для ведения боевых действий. Склоны гор становились скользкими и практически недоступными для передвижения, а нависающие низкие облака, покрывающие вершины густой пеленой, снижали видимость. Порывы ветра на высоте делали полеты беспилотников наблюдения неустойчивыми и недолгими – быстро садились аккумуляторы. Впрочем, для современных средств разведки плохие погодные условия особой проблемы не представляли, а вот движению и маневру боевых групп дождь в горах мешал очень сильно.

Легионеры уже два дня сидели без дела, никаких указаний не поступало. Большую часть этой нежданной паузы между боями бойцы использовали для отдыха и восстановления сил. В перерывах между сном и полудремой парни ковырялись с аппаратурой и корпусами беспилотников, обслуживали оружие, протирая и смазывая части и механизмы, перебирали снаряжение и сушились у установленных в комнатах печек.

Ратник на утреннем совещании никаких особых распоряжений не дал, только подчеркнул необходимость соблюдать бдительность. Мартин побродил по комнатам и заглянул к снайперам, которые, выспавшись, говорили обо всем понемногу, переходя по ходу беседы от одной темы к другой, порою забывая, с чего начинали. Затем переместился дальше по коридору на пункт связи, где спросил Музыканта о переговорах в эфире. Ничего существенного – обычный обмен информацией. Выйдя на веранду, он столкнулся с Таном, который колдовал над горелкой, собираясь готовить свой фирменный кофе.

С Таном они были знакомы давно, еще с первой командировки. Именно тогда у них завязались дружеские отношения. Достаточно зрелый и по возрасту, и по жизненному опыту, Тан был ему ближе, чем молодые легионеры без налета седины и постреливающей боли в пояснице, полные азарта и куража и не успевшие еще познать, почем фунт лиха. Но все же друзьями в полном смысле этого слова они с Таном стали после истории с сербским командиром Волком.

Абсолютно безграмотный в военном деле, авантюрист по складу характера, Волк принадлежал к категории людей, четко придерживающихся правила: хороший понт – те же деньги. Выпускник полицейской школы, он имел лишь смутное представление об общевойсковой тактике, но всеми доступными способами рекламировал свою крутость бывалого вояки и при этом, нисколько не смущаясь, брался поучать окружающих. Земляков Волк жестко держал в своей власти, внушив им, что только благодаря его возможностям и авторитету они не сгинут на чужбине. Сербы в большинстве своем тоже были бывшими полицейскими и часто своими действиями вызывали недоумение у профессионалов войны. Парнями они в целом были неплохими, далеко не трусами, но, попав под влияние Волка, использовали любую возможность увильнуть от выполнения боевой задачи. За короткое время своего командования Волк, опираясь на многовековое правило «разделяй и властвуй», создал нетерпимые отношения между сербами и другими бойцами внутри взвода. В серьезных боевых действиях участие такого подразделения была бы незавидна и печальна.

Прибыв в Сирию, Мартин после некоторых сомнений все же не удержался и, выждав удачный момент, обратился к Бетховену с просьбой разрешить ситуацию с командиром своего

взвода. Мартин на конкретных примерах описал всю несостоятельность Волка как командира и предложил выслушать других русских бойцов взвода. Бетховен просьбу Мартина выполнил и, собрав парней, узнал их мнение, которое, в общем-то, было единым: от Волка все устали и реально опасались попасть под его руководством в бойню. Командир легионеров по завершении разговора задал вопрос:

– Кто же, по-вашему, сможет справиться с командованием взвода? За кем вы пойдете?

Почти все указали на Мартина. Так он стал в той командировке командиром группы.

По возвращении в Россию и прибытии в учебный центр Волк подал рапорт, назвав произошедшее саботажем, что могло грозить увольнением его бывшим подчиненным. При этом серб поступил как опытный интриган – написал рапорт только на часть группы, исключив, например, Тана из числа заговорщиков в надежде свести его дружбу с Мартином на нет. Но Волк просчитался. Тан на построении не встал в строй поредевшего сербского взвода, а, прихрамывая, направился к отдельно стоящей группе «бунтовщиков», вместе с которыми он прошел командировку.

Очень тогда удивила Мартина позиция штабистов. Административные работники даже не попытались разобраться в сути возникшего конфликта и, получив рапорт Волка, передали через него обходные листы. Всем «бунтовщикам» грозило возвращение к гражданской жизни. И только личное вмешательство Бетховена поставило все на свои места. Обходные листы так и остались незаполненными, взвод распустили, парней, честно отработавших командировку, было приказано не трогать.

Из того инцидента Мартин вынес для себя следующий урок: если командир не настроен целенаправленно и планомерно тренировать своих бойцов, то они в конце концов превращаются в ленивую, аморфную массу. В коллективах, незанятых осмысленным военным трудом, процветают интриги и пустое словоблудие. Вступив в бой, такое подразделение мгновенно растрчивает управляемость и слаженность в действиях.

Тан готовил кофе. Появлением Мартина он был доволен – можно было вместе не спеша выпить кофе и поговорить. Кофе, как обычно, был ароматный и с привкусом имбиря – фирменный рецепт Тана. Разговаривали друзья неторопливо, обмениваясь мнениями о последних событиях. Вспоминали и первый заход в Сирию. Легионеров тогда приятно удивила та искренняя радость, какую выказывали появившимся русским все сирийцы – начиная с официальных лиц, встречавших солдат удачи в аэропорту, и заканчивая рядовыми обывателями. За четыре года непрерывной гражданской войны люди устали жить в страхе за свое будущее и не питали особых надежд ни на свою обескровленную армию, ни на союзников из сопредельных государств. Вступление России в войну они восприняли с неподдельным восторгом. Правда, никаких признаков польхавшей по всей Сирии междоусобицы с ходу обнаружить было невозможно. Прилавки магазинов забиты товарами на любой вкус и выбор, повсюду идет бойкая торговля, никакого намека на недостаток продовольствия и скудость снабжения всем необходимым для жизни. Улицы городов заполнены праздной гуляющей публикой, с виду упитанной и жизнерадостной, повсюду много молодежи. Кафе и рестораны собирали под вечер полные залы. О том, что совсем недалеко пролегает линия фронта, стреляют пушки и погибают люди, можно было узнать лишь по рассказам тех, кто там побывал. Даже повсеместные стихийные свалки отходов, как оказалось, объяснялись не коллапсом в работе коммунальных служб, а характером местных обывателей.

Но несмотря на всю эту внешне мирную картину, в действительности дела у правительства Башара Асада обстояли как нельзя хуже. Гражданская война шла практически по всей стране: северные районы вокруг городов Идлиб и Алеппо контролировала оппозиционная Свободная сирийская армия и группировки ан-Нусры¹¹, весь северо-восток, начиная от Паль-

¹¹ Ан-Нусра – организация, признанная в соответствии с законодательством Российской Федерации террористической.

миры и далее до границы с Ираком, оказался под властью Исламского государства, на юге, в провинции Дарья, действовали отказавшиеся подчиняться центральной власти вооруженные группы самообороны. По сути, официальный режим контролировал лишь небольшую прибрежную полосу страны шириной не более двухсот километров. Даже в столице, Дамаске, в любой момент был готов вспыхнуть мятеж.

Находясь на грани катастрофы, Башар Асад готов был привлечь любого, кто бы согласился воевать на его стороне, суля ему в награду за службу золотые горы. Это и стало основанием для появления русских наемников на сирийской земле. Прибытие первых подразделений ЧВК совпало с вводом в Сирию российского контингента, командование которого планировало поддержать сирийскую армию бомбардировочной и штурмовой авиацией и артиллерией, рассчитывая, что это станет достаточным условием для достижения кардинального перелома в неудачно складывающейся войне. В использовании легионеров в предстоящих сражениях российское командование особой заинтересованности не проявляло. Тем не менее солдат удачи решили задействовать под Идлибом, однако до настоящего участия в боевой операции дело так и не дошло. Легионеры уже выдвинулись на передний край и, готовясь к предстоящим боям, вели наблюдения и собирали данные о противнике, но все планы враз изменило одно трагическое событие. Мартин тогда впервые воочию столкнулся со смертью в ее самом откровенном и вопиющем облики.

Они стояли с Таном рядом, метрах в десяти, не больше, от палатки, в которую точным прямым попаданием угодил управляемый снаряд, выпущенный духами. Не было никакого звука подлета – просто взрыв уже в самой палатке: разорванная в клочья материя, раскиданные в беспорядке покореженные кровати, мертвые и израненные бойцы. Мартин, вбежав, на какое-то время потерял способность к действию от того, что он там увидел. Искалеченные взрывом тела еще дышащих и подающих признаки жизни бойцов с разверстыми ранами и выпавшими внутренностями лежали вперемешку с обезображенными трупами тех, кто даже не проснулся, превратившись в мертвую плоть. Память на всю жизнь запечатлела разрезанное осколком на две части тело, рядом другое, с оголенным мозгом, разорванные тела и оторванные конечности. Раненые отчаянно призывали на помощь. Вытащив первого раненого, Мартин снова бросился в палатку, действуя бессистемно, растерявшись по неопытности от всего увиденного. Столкнувшись с реальностью, он начисто забыл о наставлениях военных медиков прежде всего останавливать кровь из ран и делать перевязку тем, кто молчит. Вскоре подошли другие легионеры, сообщая спасая тех, кого еще можно было спасти. Мартин вспомнил про Тана и, оглянувшись, увидел его затягивающим себе проводом ногу чуть выше кровотока раны – поймал осколок. Из всех, кто находился рядом с местом взрыва, только Мартин не получил ранения. Он помог Тану отойти подальше от линии палаток и перевязал ему рану.

Такое количество единовременных потерь повергло в замешательство не только руководство легиона, но и, по-видимому, руководство российского контингента. Никто не понимал, как на это реагировать и по какой графе проводить погибших. После непродолжительных колебаний было принято единое решение приостановить участие легиона в войне и в спешном порядке эвакуировать солдат удачи обратно на родину...

Потихоньку к Тану и Мартину подтянулись и остальные разведчики, и душевный разговор приятелей быстро трансформировался в общую сходку под девизом «давай поржем».

В представлении участвовали все: горячился эмоциональный Мустафа, возражал язвительными замечаниями Мрак, Сатана вторил его тону, Зодчий и Герасим отвесили пару жестких, но необидных шуток в адрес Мрака, Тьма, в свою очередь, вспомнил пару эпизодов из жизни Сатаны, чем вызвал грохот смеха. Вскоре активное участие приняли присоединившиеся к компании Моряк, Тамок и Золотой, а с верхней террасы слышались комментарии наблюдателей охранения.

Спонтанные посиделки продолжались весь остаток дня. Энергичный обмен взаимными подколами сменялся спокойными, рассудительными разговорами о военных заботах. Так иссяк день и быстро наступила ночь. Переход от светлого времени суток к ночной темноте был, как всегда здесь, скоротечным. К этому моменту разговоры сами собой стихли – сумерки настраивали на молчание. У каждого имелись свои привязанности и воспоминания, обращенные вдаль, на север, где простиралась огромная страна: пусть и с массой неразрешимых проблем, но все же родина. Там были друзья и родители, жены и дети, были полноценные рассветы и закаты, бескрайняя тайга и озеро Байкал, поля среднерусской равнины и покрытый лесами Урал, башкирский мед и русская водка и много другого, о чем думалось с теплотой и тоской.

Завтра, возможно, будет работа. Но думать о том, что будет завтра, совсем не хотелось – сегодня хорошо. Хорошо потому, что еще все вместе, живые и полные сил. Совсем скоро троих из собравшейся компании не станет и больше половины завершат свою командировку на излечение в госпиталях. А пока идет дождь, сыро и серо – сегодня выходной от войны.

Глава 8

«Бесстрашные» соколы

Ратник вызвал на совещание, когда уже стемнело, и Мартину пришлось идти практически на ощупь, натываясь в темноте на всякий хлам, до тех пор пока он не вышел на асфальт, ведущий прямо к дому, занятому штабом штурмовой роты. Дом располагался на скате длинного каменистого отрога, с обратной стороны которого не более чем в километровой дальности находились передовые позиции противника. Узнать, с кем придется сражаться на этот раз, за короткое время пребывания в районе так и не удалось: сведения от союзников поступали противоречивые. Переброску на новое направление завершили после обеда, еще засветло, благо расстояние от прежнего места дислокации было невелико – всего лишь перемахнуть по горному серпантину через перевал на магистраль, ведущую на Алеппо. Колонна, петляя между покореженными войной участками трассы, миновала мост над сухим руслом и съехала на небольшую дорогу, ведущую в ближайший населенный пункт. Дома жителей городка были разбросаны по склонам нескольких возвышенностей, и серпантин, соединяющие подворья, спускались вниз на центральную улицу с асфальтированным шоссе, по обеим сторонам которого находилась основная инфраструктура поселка – магазинчики и различные конторы. Городок был брошен мирными жителями, и на улицах можно было встретить только людей в военной форме при оружии. Магазины и конторы оказались, конечно, опустошены, но сам населенный пункт был задет боями лишь отчасти и, по сравнению с другими городками на линии фронта, отделался малой кровью. Улицы и дворы были замусорены тем, что еще недавно было частью домашнего хозяйства: война привела в негодность все эти, когда-то нужные в обиходе, вещи.

В качестве союзников в этот раз выступало одно из подразделений «Соколов пустыни», местного сирийского ЧВК. Командир их отряда, по каким-то собственным соображениям посчитав момент для наступления удачным, сообщил генералу федералов о готовности атаковать позиции духов. Свои заявления он сопроводил презентом в виде сшитого из чистого хлопка, а значит, дорогого мужского платка-арафатки. Генерал федералов, обрадованный стремлением сирийского командира к активным боевым действиям, пообещал обеспечить его мощной артиллерийской поддержкой и выделить штурмовые отряды русских легионеров.

Задачу ставили буквально с колес, федералов не сильно заботили проблемы солдат удачи – приказы они отдавали без оглядки на нормативные показатели. Мартину было проще, чем другим подразделениям легионеров: выгрузить весь возимый с собой инвентарь и боезапас небольшой группы, складировать, отогнать машину в укрытие – все это заняло не больше часа, и группа стала спокойно готовиться к выполнению боевой задачи. Ратнику и Бритому было гораздо сложнее. Совместить процесс разгрузки с одновременным занятием позиций по фронту и организацией наблюдения, учитывая количество и калибр вооружения и боезапаса к нему, было делом непростым. Плюс к этому надо было решать вопросы размещения и быта крупного подразделения. С учетом сроков, которые поставили федералы, это означало рвать жилы до третьего пота и орать до хрипоты. Но к вечеру минометы Бритого дали уже первый залп по целям, указанным с постов наблюдения Ратника, малокалиберные минометы штурмовиков тоже приступили к работе.

Ночь с присущей этой местности непроницаемой темнотой накатила быстро. Во мраке просматривались лишь очертания гор на фоне небосвода и размытые силуэты построек. В зоне боевых действий при наличии у обеих сторон минометов и ракетных установок правильная светомаскировка играет не последнюю роль, но выстроить ее грамотно смогли только русские. Для сирийских солдат она оставалась понятием относительным и выполнялась лишь до того предела, где заканчивался комфорт, поэтому в местах размещения союзников четко просмат-

ривались окна помещений, освещенных с помощью аккумуляторных батарей и генераторных установок, а по дорогам время от времени передвигались машины, озаряя путь перед собой фарами.

«Соколы» собирались атаковать позиции противника с рассветом, сразу после артиллерийской подготовки. На присутствии русских легионеров непосредственно на переднем крае они, как ни странно, в этот раз не настаивали – их вполне устроило бы планомерное и выверенное огневое воздействие минометами и надежный заслон от солдат удачи на флангах. Учитывая это, Ратник дал распоряжение Мартину отправить на передний край небольшую группу разведчиков для ведения наблюдения. Мартин приказал Зодчему вместе с частью его подразделения выдвинуться на передовую и занять позицию в боевых порядках союзников, а оставшимся разведчикам – разместиться в одном из пустовавших домов и, выставив охранение, ждать дальнейших указаний.

Мартин подошел к дому, где размещался Ратник, и, отодвинув полог плотной материи, протиснулся внутрь. Посередине комнаты стоял стол с разложенной на нем картой, которая освещалась маленьким светильником. Бритый был уже на месте, и Ратник сразу же после короткого приветствия рассказал о ближайших планах командования, из которых выходило, что никто не был до конца уверен, будут «Соколы» наступать или это очередной блеф. Обсуждение текущих вопросов продлилось не более получаса, так как все, что касалось наступления, было оговорено еще днем. Разговор на отвлеченные темы, в который плавно перешло совещание, был прерван мощным разрывом снаряда – судя по звуку, немало калибра – не далее полукилометра от штаба. Байкал по рации, не сдерживая волнение, сообщил, что замечены еще две позиции со стороны духов, с которых были произведены выстрелы, по-видимому из минометов. Падение одной из мин сопровождалось мощным ярким всполохом пороховых зарядов, складированных на позициях минометчиков. Пороха запылали ослепляющим в окружающей темноте заревом. Бритый, скороговоркой отдавая по рации распоряжения, побежал к своей батарее. В эфир снова вышел Байкал, докладывая о вспышках выстрелов на вражеских позициях. Ратник тут же потребовал от него:

- Гаси их своими средствами.
- Да, командир, наводим. Сейчас отработаем.

Раздался еще один разрыв, теперь уже с явным перелетом, где-то внизу за дорогой. Через несколько минут Бритый доложил Ратнику, что мина духов подожгла только брикеты с порохом, снаряды и орудия были в недосыгаемости от занявшегося пожара. Минометчики среагировали быстро, но стрелять они пока не могли. Им необходимо было сменить позицию: работать на этом месте было опасно – духи по зареву наверняка уже заметили признаки удачного выстрела. Байкалу пришлось с двумя стволами минометов штурмовиков развернуть дуэль с противником, и через считанные минуты в духов полетели первые 82-миллиметровки от позиций легионеров. К пожару от загоревшихся порохов добавились звуки выстреливающих под воздействием температуры патронов, цинки с которыми оказались рядом.

Обстрел продолжался, и вот уже вспышка разрыва, поднявшего облако пыли, обозначилась за позициями Бритого – в районе дома, где размещались разведчики. Мартин по рации запросил своих, но ответа не последовало, и, уже имея все основания для тревоги, он быстрым шагом двинулся к месту расположения группы. Уже почти бегом достигнув знакомого строения, он застал парней за активным перемещением от дома на расположенную вблизи дороги площадку, укрытую от направления прилета мин. Взрыв был не без последствий, но, к большой удаче, убитых не было. Раненых не задетые осколками бойцы перетаскивали вниз и оказывали им помощь, время от времени забегая в дом, чтобы принести какие-нибудь принадлежности или одеяла. Мартин проверил состояние раненых – среди них был один тяжелый: у Шайтана был проломлен череп, и теперь от быстроты доставки в госпиталь зависело многое. Мартин сразу вызвал водителя КамАЗа, приказав подогнать машину как можно ближе, попутно отмахиваясь

от совершенно неуместных на данный момент стенаний Тайги по поводу неразумности пребывания группы на этом месте – мол, ушли бы с вечера, не пострадали бы. Тяжелый КамАЗ подрулил к площадке задним ходом, раненых быстро уложили в кузов на принесенные из дома матрацы и одеяла, и вскоре они уже были на пути к базе. Переведя дух, Мартин направился к дому. Мина врезалась в угол, проделав дыру над входной дверью; части отколовшейся кладки и штукатурки разгромили прихожую и ближайшую к выходу комнату, заполненную теперь сломанной мебелью, осколками стекла и обломками камня. Лежак Мартина был придавлен большими фрагментами разрушенной стены, рядом валялась продырявленная фляга, оставленная им на столе перед уходом. Мартин подумал: если бы не служебное совещание, в лучшем случае он теперь бы ехал в КамАЗе среди раненых. «Место было выбрано поспешно и неудачно, – признался себе Мартин, – никуда не денешься, придется отнести оплошность на собственный счет». Но и бойцы его подразделения тоже были не на высоте: при прилете вражеской мины на батарею Бритого не ушли в безопасное место, а остались стоять на крыльце, глаза на зарево. «Эх, ребята, вы же не первый раз под обстрелом, пора бы научиться соотносить на войне», – сокрушался Мартин. Но было не до размышлений, ситуация требовала присутствия командира. Вернувшись на улицу, Мартин приказал перенести оружие в щель между стенкой какой-то постройки и вертикальным откосом примыкающей к ней скалы, а бойцам – расположиться в укромном, недостижимом для вражеских мин месте.

Вскоре Байкалу, вступившему в единоборство с артиллеристами духов, все же удалось подбить один из мобильных минометных расчетов противника вместе с автомобилем, на котором он перемещался. Мартин узнал об этом из переговоров командиров легионеров по рации:

- Ратник, Ратник, это Байкал.
- Говори, братишка, – откликнулся Ратник.
- По ходу, одного срубили, дым вижу, – радостным голосом сообщил Байкал.
- Молодцы! Продолжайте давить этих хуесосов.

Бритому хотя и понадобилось больше двух часов на то, чтобы перебраться на новое место, но еще до рассвета его батарея сумела включиться в работу и своими залпами поддерживать минометы Байкала. С рассветом же начался полноценный артобстрел: в дело вступили орудия крупного калибра и реактивные системы федералов. «Соколы» пошли в наступление. Впрочем, их воинственного пыла хватило ненадолго, можно сказать, он иссяк мгновенно и атака захлебнулась, едва начавшись. Подробности о сорвавшемся наступлении Мартин получил от Зодчего, когда они возвращались на базу.

Зодчий привел группу к назначенному месту чуть раньше определенного Мартином времени, и у парней была возможность еще раз осмотреться, проверить оружие и снаряжение. Вскоре на паре пикапов подъехали командир «Соколов» и переводчик. Союзники прибыли с опозданием от намеченного времени всего минут на пятнадцать, не более, и, если принимать во внимание, что несоблюдение временных нормативов у сирийцев являлось делом обыденным, можно сказать, что в этом случае они проявили сверхпунктуальность. Ночь провели на высоте, подступающей к линии фронта. Позиции духов хорошо просматривались, и через приборы наблюдения можно было видеть резвые передвижения групп или одиночек между каменными кладками.

Ночной минометный обстрел противника группа Зодчего восприняла как попытку атаки под прикрытием темноты. Духи хорошо знали местность и могли по известным только им тропкам зайти с тыла и произвести внезапную атаку. Находясь на небольшом пятачке высоты вместе с немногочисленной группой «Соколов», в боеспособности которых были большие сомнения, разведчики не могли не испытывать состояние повышенной тревожности. Из радиосообщения между Мартином и Ратником они знали о попадании мины в дом с оставшейся частью группы и о наличии раненых и понимали, что усиливать их уже некому. Ратник заверил Зодчего и его парней в том, что ситуация находится под контролем, чем успокоил бойцов передового НП.

Ратник не лукавил: с его позиций высотка с разведчиками просматривалась хорошо, и расстояние до нее позволяло в случае необходимости прикрыть отход.

Как только предрассветную тьму озарили яркие всполохи разрывов в районе укреплений противника, разведчики, размяв озябшие от ночной прохлады ноги, начали подготовку к движению. «Соколы» тем временем не предпринимали никаких попыток приблизиться к укреплениям противника. Сирийцы просто не представляли себе, как можно наступать, в то время как над головой завывают снаряды, и двинулись вперед только после завершения обстрела. Ночная тьма к этому моменту уже рассеялась, и все перемещения садьков хорошо просматривались. Когда до укреплений противника осталось не более пятисот метров, мощный взрыв накрыл пылью и дымом одну из групп «Соколов». Сразу же вслед за этим с позиции духов началась активная стрельба. Сирийцы тотчас в панике бросились бежать. Совсем скоро стало понятно, что союзники отходят не на исходную линию, а откатываются дальше в тыл, уже не помышляя о продвижении вперед. Зодчий доложил Ратнику о паническом бегстве сирипутов с поля боя. Ратник дал команду разведчикам отходить и для обеспечения прикрытия открыл минометный огонь.

Мартин, получив от Ратника команду эвакуировать группу Зодчего, вызвал пикап разведчиков и, сев на переднее сиденье, дал команду водителю двигаться вперед. До места встречи добрались быстро, буквально за пять минут. Это был тот самый мост, где местная дорога выходила на магистральную трассу в Алеппо. Мартин, выйдя из машины, стал наблюдать за «Соколами», которые после бегства с поля боя небольшими группами лежали на земле под широким козырьком автомобильного моста. Здесь же сосредоточилась компания командиров, которые о чем-то переговаривались друг с другом. Бритые и ухоженные физиономии сирийских начальников в чистых камуфляжах подтверждали догадку Мартина о том, что рядовые шли в атаку без командирского участия. Предоставленные сами себе солдаты действовали по привычному для них сценарию: получится – дойдем до вражеских укреплений, а если нет – убежим к себе в тыл, ну а кому не повезет, того убьют.

Через некоторое время один из сирийских командиров, гладко выбритый и аккуратно постриженный щеголь, обратил внимание на присутствие Мартина и, подойдя к нему, деланно возмущенным тоном через переводчика заявил о том, что русские покинули поля боя и тем самым подставили его солдат, которые упорно атакуют позиции врага под плотным огнем, но в итоге были вынуждены отступить. Как проходил бой, Мартин в тот момент еще не знал, но, не считая нужным придерживаться дипломатического тона, в довольно грубой форме обратил внимание командира «Соколов» на то, что сирийские солдаты уже почти все здесь, а группа его разведчиков все еще в пути. Щеголь, поняв, что поторопился с заявлениями, ретировался. Мартина не удивили жалобы командира садьков – для них это дело привычное, у них всегда «то собаки лают, то руины говорят». Повернувшись, он увидел появившихся из-за каменистых выступов разведчиков: все были живы и здоровы, и это было для него самым главным. Пока парни, устало отвечая на приветствие, складывали снаряжение в кузов, Мартин попросил Зодчего описать вкратце произошедшее. Тогда-то он и узнал, что «сирийцы двинулись толпой на духов, а там то ли прилет мины случился, то ли фугас взорвался, непонятно. Духи опомнились от арналета и открыли огонь, и не сказать чтобы слишком сильный, но и его оказалось достаточно, чтобы эти сразу дернули в тыл. После этого Ратник и дал добро на отход». Комментарии излишни.

Мартин направился к щеголю с намерением высказать все, что о нем думает, но, поислав глазами переводчика, к своему удивлению обнаружил, что того нигде не видно, хотя буквально несколько секунд назад он стоял рядом с компанией сирийских командиров. Впрочем, на совещание у федералов, которое состоялось позднее, командир «Соколов» переводчика все же взял и через него снова попытался изложить свою версию событий, по которой выходило, что бой был проигран в результате преждевременного отхода русских легионеров со своих

позиций, надеясь, что при отсутствии непосредственных участников некому будет опровергнуть его слова. Но он не учел, что на том же совещании присутствует Ратник, который, в отличие от сирийцев, не только сам командует действиями своих бойцов и организует их, но и по настоящему болеет душой за конечный результат и поклеп на своих парней воспринимает как личное оскорбление. У арабских командиров так не принято. Они в подобной ситуации безо всякого стеснения сваливают вину на подчиненных, что, как правило, сходит им с рук.

Удивительно, но иногда сирийские командиры умудрялись и федералов втягивать в свою игру – тем тоже требуются победные религии для вышестоящих начальников. Мартин сам однажды наблюдал, как после похожей безрезультатной атаки, с тем лишь отличием, что тогда сирийцы вообще не вступили в бой, русский генерал, не стесняясь свидетелей, диктовал офицеру штаба группировки донесение, которое смело можно назвать шедевром профанации: «Выполняя общий план наступления, при выходе на рубеж перехода в атаку столкнулись с ожесточенным сопротивлением противника и, во избежание потерь, вынуждены были остановить продвижение, закрепившись на достигнутом рубеже». Депеша уходит наверх, и вот там уже создается впечатление, что сирийские солдаты проявили чудеса храбрости и их командиры не ступали в бой, а российский генерал своими мудрыми распоряжениями так и вовсе действовал выше всяких похвал.

Итак, еще одно сражение с участием союзников закончилось бесславным поражением. Сирийцы и в атаку толком пойти не смогли, и трусость свою в бою показали, а наемники и вовсе пострадали впустую, безо всякой пользы для дела. Впрочем, русские легионеры в официальные сводки все равно не попадут. Они фантомы и призраки этой войны. И хотя здесь, на сирийской земле, участвуя в боевых действиях, они выполняют важную и нужную для России работу, там, на родине, об этом никто не должен знать.

Глава 9

Меж двух огней

Тамок лежал на спине, а возле него, пытаясь остановить вытекающую из разорванных сосудов кровь, суетился Манук, один из медработников легиона. Те, кто находился рядом, оказывали посильное содействие: один держал над раненым эластичный пакет с физраствором, другой помогал Мануку с инструментами, несколько человек готовили раскладные носилки.

Взгляд Тамка, мутный от воздействия обезболивающего, выражал боль и недоумение. Как же так, еще несколько минут назад он был подвижен и полон жизненной энергии, перемещался по склону, принимал активное участие в бою, то выпуская короткие очереди из своего АК в сторону духов, то помогая спускавшимся с высоты раненым, забирая у них оружие и подставляя плечо. И вот он уже лежит, а вместо левой ноги у него лишь торчащий из гнезда тазобедренного сустава обрубок кости...

Район боевой операции, где оказался Мартин с группой разведчиков, был ему знаком еще по первой командировке. Тогда Мартин, исполняя обязанности старшего группы, немало побродил со своими парнями по местным горам. За прошедший год расстановка сил в северной Латакии практически не изменилась: правительственная армия так и не смогла продвинуться здесь ни на шаг вперед. На этот раз на данном направлении было принято решение задействовать русских легионеров и сирийских «Соколов пустыни». Обеим ЧВК была поставлена общая задача – сбить противника с горных оборонительных позиций и оттеснить его дальше к границе с Турцией. Русским в предстоящих операциях отводилась вспомогательная роль – сопровождать «Соколов» в наступлении и при необходимости оказывать им огневую поддержку.

Союзники готовились к утренней атаке в привычном для себя бестолковом режиме: полное отсутствие светомаскировки, крики, шум мотоциклов, хаотичное передвижение отдельных заплутавших групп. Как только небо на востоке приобрело окрас мутной серости, отряды наступающих садьков, а с ними и русские наемники двинулись на высоты, занятые противником.

Подойдя вплотную к оборонительной линии духов, легионеры неожиданно для себя обнаружили, что большинства «Соколов», которые должны были стать основной ударной силой, впереди не оказалось. Те же, кто все-таки достиг рубежа атаки, при первых же выстрелах откатились назад, оставив солдат удачи один на один с врагом. Если бы на месте русских оказались американские или европейские наемники, то они наверняка вернулись бы на исходные позиции. Они четко знают границы допустимого риска и умеют их соблюдать, что на самом деле разумно и правильно. Но на высоте перед передним краем противника были русские, а для них пределов нет, и они никогда не откажутся от хорошей драки. К тому же отступить было поздно, и легионеры не задумываясь пошли в атаку. Перемещаясь короткими перебежками на подъем, подавляя сопротивление духов огнем, штурмовики быстро достигли первой линии вражеских окопов. Обработав их гранатами, бойцы устремились к следующим поясам укреплений. Духи, не выдержав напора, начали спешно покидать свои позиции. Отбегая в сторону тыла, они попадали под прицельный огонь легионеров, только увеличивая свои потери.

Группа управления, в которую входил Мартин, к моменту начала штурма подошла к подножию плоской возвышенности, на вершине которой завязался бой. Ратник вел радиообмен с командирами групп, определялся в ситуации и одновременно пытался через переводчика разузнать командиров союзников, чтобы те навели порядок в своих формированиях и отправили людей в наступление.

Мартин, разместившись за каменным валом рядом с позицией снайпера, внимательно всматривался через окуляры бинокля в склоны высоты, пытаясь разглядеть, как действуют его

разведчики. Рядом с ним Шунт методично расстреливал из дальнобойного «корда» скатывающиеся с высоты черные фигурки, не давая им перебежать к соседней гряде гор.

Сообщения, поступавшие от Иностранца и Зодчего, внушали надежду на скорое завершение штурма. Казалось, что бой подходит к концу. И тут все пошло наперекосяк. Иностранец, срывая голос от крика, сообщил о разрыве прямо перед линией наступающих ПТУР, выпущенной с позиций союзников. Этим дело не ограничилось: «Соколы», которые так и не пошли в атаку, укрылись у подножия высоты и, не глядя, выставив из-за камней автоматы, начали стрелять в сторону линии окопов противника, где уже находились русские штурмовики. В результате наступающие бойцы оказались под перекрестным огнем: с фронта – духов, с тыла – сирийцев. По радиации прозвучали первые тревожные сообщения о раненых.

Ратник, матерясь в эфир, требовал через своего взводного и переводчика, которые находились среди «Соколов», чтобы садыки прекратили стрельбу, а их командиры подняли оставившихся у подножия солдат и заставили их идти вперед. Но все усилия были тщетны: сирийцы в атаку не шли, а какие-то уроды продолжали вести огонь по высоте, прижимая наемников к земле и лишая их возможности маневра. Взводный и переводчик, подгоняемые Ратником, метались от позиции к позиции, от одного командира «Соколов» к другому, но все было тщетно. Как они потом сами рассказывали, «все равно находилась какая-нибудь блядь, которая производила выстрел в сторону высоты из миномета или ПТУР. Что же до требования расшевелить своих людей и заставить их идти вперед, сирийские командиры только разводили руками и скороговоркой пускались в настолько длинные и туманные объяснения, что даже переводчик переставал их понимать».

Тем временем слева на склоне горы появились духи, собирающиеся атаковать русских легионеров с фланга. Шунт сразу перенес огонь на них. Но едва он успел сделать несколько выстрелов, как с громким гулом совсем рядом пролетела пуля, выпущенная из вражеской снайперской винтовки. Шунт оттолкнулся руками от камней и мгновенно сполз в укрытие: «По ходу, засекли, надо переждать маленько». Чуть позже он сдвинулся немного в сторону и продолжил свою работу.

Ситуация на высоте стремительно ухудшалась. Духи усилили натиск с фронта и подтянули резерв, да и огонь со стороны союзников не прекращался. Вот уже спустился вниз Зодчий с забинтованной головой – пуля раздробила челюсть. Вслед за ним с перебинтованной голенью, опираясь на подобранную длинную палку, ковылял Самарец. Иностранец сообщал о все возрастающем количестве раненых. Ратник после короткого раздумья дал указание отходить, обеспечив прежде всего эвакуацию раненых.

Мартин, находящийся рядом и слышавший все переговоры в эфире, понял, что наступил момент для более решительных действий с его стороны. Не было никакого смысла дожидаться приказа Ратника, который мог и не включить его в состав выдвигающейся на высоту резервной группы штурмовиков. Мартин понимал: его место только там, наверху, где оказались в критической ситуации его парни, и им сейчас хреново. Он их командир, он в ответе за них, и прежде всего перед своей совестью, да и как руководить бойцами, если потеряешь доверие и не сможешь смотреть им в глаза.

Он встал и, согнувшись, пошел в сторону засевших за укрытием сирийцев, рядом с которыми уже стоял Неман, пытавшийся отборным матом заставить союзников двигаться вперед. Подойдя к ним, Мартин извлек из набедренной кобуры «стечкин» и направил ствол пистолета на ближайшего к нему «сокола» с твердым намерением пристрелить его, если он откажется подняться. Глаза сирипуга мгновенно округлились, и он вскочил, а вслед за ним поднялось и еще несколько садыков, находившихся рядом. Оглядываясь с опаской на Немана и Мартина, они двинулись вперед. К группе присоединилось и несколько легионеров: всем, кроме сирийцев, было очевидно, что своих на высоте нужно срочно выручать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.